Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 10. ОКТЯБРЬ-НОЯБРЬ, 1922 г. 2 серия.

Содержание: Безработица.—Из переписки учителя.—Государство и Церковь. *К. В. Говор.*—Как бороться с буржуазной идеологией?—„Злой рок нашего бюджета".—Синдикализм противогосударственен по существу и по определению. *Себастиан Фор.*—О свободе печати.—К положению анархистов в России.—Решение товарищеского суда по делу тов. Н. Павлова.

Безработица.

Когда мы слышим, что в западной Европе и даже в Америке свирепствует безработица, то это нас ничуть не удивляет. Безработица—обычная спутница капиталистических порядков. Теперь, в результате хозяйственных потрясений, вызванных мировой войной, мы наблюдаем в буржуазных странах лишь ее обострение.

Но почему в советской России, после пяти лет социальной революции и государственного строительства наблюдается то же самое явление? Почему революция не сумела устранить хотя бы этот из зян из общественного нестроения?

Прежде всего следует отметить, что о сельскохозяйственной безработице нет вопроса ни у нас, ни в западной Европе. Как ни обеднело русское крестьянское хозяйство за время мировой войны и революции, как ни сократился живой и износился мертвый инвентарь, все же имеется возможность возделывать землю и существовать. Перед нами стоит вопрос о безработице в промышленности.

Безработицу в капиталистических странах об'ясняют с одной стороны нехваткой сырья, ввозимого из отсталых стран, с другой—сокращением рынков. По этой причине, когда говорят о безработице, обычно кивают головой в сторону России, как на обширный рынок для сбыта и поставщицу сырья. Но почему этот внутренний рынок, предмет вожделения капиталистических государств, и эти богатые источники сырья не используются для оживления собственной промышленности?

Очевидно причина безработицы у нас совсем иная, чем в развитых капиталистических странах, где промышленность преобладает над земледелием. Если, например, в Англии весь продукт прядильной или металлообрабатывающей промышленности оставить в стране, то ясно, что его будет слишком много для данного количества населения. Но ведь у нас численное соотношение между крестьянами-земледельцами и промышленными рабочими совершенно иное и фабричный пролетариат едва ли теперь достигает 4-5 % общего числа народонаселения.

Почему при всеобщей нужде в фабрикатах наша промышленность не развернулась в полной мере?

Причину этого явления нужно искать не в отсутствии капиталов. Капиталы нужны главным образом для создания *новых* предприятий, а у нас стоят многие фабрики и заводы, вполне годные для пуска в работу.

Причина хозяйственных неудач нашей социальной революции кроется в той крупно-буржуазной идеологии, которая царит в умах руководителей власти.

Экспроприировав частных капиталистов, у нас побоялись передать производство непосредственно в руки самих рабочих. Централизованное производство крупного капиталиста стало идеалом русской революции. До сих пор у нас стремятся все нити крупной промышленности сосредоточить в руках *единого* хозяина—государства-капиталиста. Все наши пресловутые торгово-промышленные синдикаты и тресты являются просто-на-просто приказчиками государства-хозяина, ведомственными органами с несколько урезанными правами, чем их предшественники, печальной памяти главки и центры. А так как давно известно, что государство—худший из хозяев, то в результате получилось то, что, например, производство сахара на Западе обходится в 3 рубля золотом пуд (рыночная цена), а у нас, при обилии сырья и нетребовательности рабочих рук, пуд сахара стоит государству 10 руб. золотом. Таким образом оказывается, что частный почин, в деле хозяйственной организации производства, дает, даже в руках буржуазии, лучшие результаты, чем государственная централизация, стоющая слишком дорого потребителю.

Другую причину неудач нашей социальной революции нужно видеть в том, что наша промышленность *в техническом отношении* тоже была организована в интересах бывших частных владельцев и не

могла быть использована *без коренного переустройства* самими рабочими. Вместо того, чтобы ликвидировать капиталистические казармы с их возмутительным разделением труда, у нас всячески старались их сохранить, клеймя мелко-буржуазными стремлениями всякую попытку децентрализации производства в руках самих рабочих. В результате теперь русские книги ввозят в Россию из Германии в то время, как наши типографские рабочие слоняются в поисках работы. Крупно-капиталистическую идеологию так усердно внедряют в умы, что даже Сытинскую казарму, без иронии, назвали „1-ой Образцовой Типографией" Р. С. Ф. С. Р.

Мы прогнали старых хозяев, но дух их, их замыслы, их приемы эксплоатации наемных рук, живы, так как остались без изменения организованные ими для этой цели предприятия.

Революция не подошла к самым основам общественной перестройки, она не изменила хозяйственную и техническую организацию производства и за это мы расплачиваемся нынешней безработицей; мы все ждем богатого американского дядюшку, который приедет со своими капиталами и все для нас наладит.

* * *

На Западе, и даже у нас в России, носятся с замыслами о перестройке тех густо застроенных, нездоровых, лишенных света, зелени и чистого воздуха нагромождений домов, которые называются промышленными городами; мыслители и знатоки вопроса описывают и проповедывают проекты садов-городов, а у нас, даже в самый разгар революции, в период „социального строительства", как выражались не так давно, не молвили ни одного слова о *садах-фабриках*, о *садах-мастерских*.

У нас не хватило смелости мысли и практического почина, чтобы сделать попытки в этом направлении;—чтобы, хотя для примера, в виде показательного опыта (значение которого было бы огромно), разбить мнимо образцовую Сытинскую типографию в действительно образцовый поселок печатников, состоящий из самостоятельных производственных единиц и группировок (артелей), об'единенных на свободных кооперативных началах. Не имеются ли подобные же возможности в текстильной, древообделочной, металлообрабатывающей и иных отраслях производства?

Но подобная ересь противоречила бы правительственным доктринам о „концентрации капиталов", а доктрины—пусть оне устарели, пусть оне идут в разрез с требованиями жизни и здравым смыслом—для наших заправил дороже всего!

Чтобы оживить промышленность, и этим преодолеть безработицу, нужно перестроить производство на начале личного почина самих трудящихся, возможном лишь в кооперативных формах, а не стараться оживить труп старой капиталистической промышленности реакционными приемами покровительственных пошлин, вывозных льгот, аренд и концессий. Нужно дать возможность развиться и развернуться производительной кооперации снизу вверх и в ширь, а не душить ее непосильными налогами и законодательной регламентацией.

МАТЕРИАЛЫ
к изучению жизни и творчества П. А. КРОПОТКИНА.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧИТЕЛЯ.

Дмитров, 6 марта 1920 г.

Дорогая, милая Е. Д.

Вот уже несколько дней хочу вам написать, и все не удавалось. Сперва, во вторник, были посетители: английский корреспондент Z., со своим американским товарищем В.; затем 2 наших товарищей из Соединенных Штатов, и милый наш N. (он прогостил 2 дня). Затем целый ряд Дмитровских знакомых; потом—случайная, но нужная, спешная небольшая работа и, наконец, корректуры *Взаимной Помощи*, и наконец, просмотр рукописи—моей, 1872-го года, явившейся как привидение из архивов охранки,—род программы нашего кружка чайковцев. Ее забрали тогда при обыске у одного из товарищей; теперь хотят издать. Словом, целый ряд чуть не „событий" в нашей тихой и однообразной жизни, как раз тогда, когда еще пелись в мозгу ваши милые, прелестные песни.

Ах да! Еще „событие" (о котором сейчас напомнила гаснувшая лампа!). К нам проводят электричество. Ужасно милый молодой человек превращает наши керосиновые лампы в электрические... Только вот горе: на „станции" паровик попортился, и станция уже неделю не работает. А завтра нас хотят уже соединить с нею.

Для меня, корректуры *Вз. Пом.* действительно были событием. Вот уже *полтора года*, что у Сытина начали ее набирать. Авось теперь, когда она вся набрана, через полгода позволит начальство ее выпустить.

Z. оказался с совершенно уже сложившимися воззрениями на переживаемое нами. Все, в России, идет превосходно.

Был он „в Совъет"—„И представьте", говорит, „люди разговаривают и подробно обсуждают дела—совсем так, как у нас в Совете Графства,—подробно, совсем как у нас!"

Хотелось мне его спросить:—„А вы, верно, думали, что они, как краснокожие в романах, с томаһауками доказывают друг-другу свои аргументы?" Хотелось сказать с должною скромностью, что земские управы и городские управы существуют у нас с 1886 года... Но ученого учить—только портить. Вообще, он человек добродушный и, в данном случае—убежденный.

Рассказывал, впрочем, кое-что интересное о серьезности рабочего движения в Англии, и как он огорчил наше начальство, твердо заявив, что никакой революции в Англии не будет, а будет взамен рабочее министерство, если не в ближайшие выборы, то наверное в следующие. Рабочие и вообще либеральная партия безусловно против вооруженного вмешательства в русские дела.

Обо многом хотелось бы еще написать. Но приходится прервать. . . .

Крепко, крепко вас любящий

П. К.

ГОСУДАРСТВО и ЦЕРКОВЬ.

Буржуазное государство представляет из себя союз чиновников, духовенства и ученых, взаимно поддерживающих друг друга и за это получающих каждый свою долю власти, главнейшие функции которой все же находятся в руках светского правительства.

Прежде чем так было установлено, это трио оставило по себе в истории тягостную и продолжительную борьбу. Борьба между духовной и светской властью с одной стороны, и духовенством с нарождающейся наукой с другой — кончились взаимным компромиссом, правда вынужденным. Поддерживая государственную власть жрецы религии получили, взамен этого, материальное благосостояние и выполнение некоторых функций государственности.

Роль церкви в государстве сводилась к тому, чтобы оправдать существующий государственно-эксплоататорский строй, и эта мысль лежит в основе всякой государственной политики по отношению к официальному и неофициальному духовенству.

Русская либеральная буржуазия, в 1917 году очутившись у власти, оставила в полной неприкосновенности старую церковную машину, за что взамен ее власть была санкционирована православной церковью.

Неокончившаяся революция своевременно оборвала эту связь, начав экспроприацию некоторых церковных богатств, и народившееся советское правительство вынуждено было повести по отношению к церкви иную политику, чему не мало способствовала надежда, что с помощью революционного движения удастся избавиться от навязчивого и нежелательного спутника власти—церкви.

Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви в январе 1918 года советская власть формулировала свое отношение к церкви и духовенству. В сущности этот декрет лишь в немногом опередил те радикальные мероприятия, которые приемлемы даже в буржуазном государстве.

Церковь же, потеряв свое господствующее значение, от которого зависела мощна духовенства, уязвленная в самом своем больном месте,—ответила призывом к восстанию против существующего строя. В ответ, со стороны советского правительства, были те репрессии, которые со всей своей силой обрушились на не в меру далеко зашедших в своем негодовании духовников.

Борьба начинает развиваться... Церковь шлет свои проклятия, предает анафеме богомерзкое правительство, и в благородном гневе своем не брезгует средствами, лишь бы была достигнута цель. В свою очередь правительство сознавая, что декретами и репрессиями нельзя бороться с религией и духовенством, за спиной которых стоят миллионы темной, фанатично настроенной массы, готовой всегда стать на защиту своих религиозных чувств—начинают вести борьбу в другой плоскости.

Школа, театр, трибуна становятся тем местом, где проводится антирелигиозная пропаганда, противо-церковная агитация, которыми советская власть стремится не только рассеять религиозный дурман, но и уязвить духовенство—оттолкнув от него массы.

Так продолжалось четыре с лишним года....*)

К. В. Говор.

КАК БОРОТЬСЯ С БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ?

Правящая партия, а вслед за ней советская печать и советская власть очень озабочены борьбой с буржуазной идеологией. Мы, как анархисты, вполне сочув-

*) Дальше т. Говор указывает на „церковную революцию", т. е. на раскол среди служителей религии, часть которых, прозванная „красным духовенством", поняв безплодность борьбы с государством, стремится приспособиться к нему. Свою статью он заканчивает словами Бакунина: „Нет и не может быть Государства без религии".

ствуем этой цели, так как буржуазная идеология освящает систему наемных рук и, следовательно, оправдывает эксплуатацию человеческого труда. Но в чем мы не можем согласиться с официальным мнением, это—относительно приемов борьбы с идеологией противников.

Идеологию можно побороть только другой, *лучшей* идеологией. Развивать теоретически и распространять общедоступную проповедь своих убеждений—не меньшее право всякого человека, чем исповедывать ту или другую религию.

Есть азбучные истины, которые стыдно повторять, особенно после низложения векового царского деспотизма, но приходится это делать для людей, ложно усвоивших задачи революции.

Только при свободном соревновании противоположных идей можно пробудить сознательное отношение безразличных масс к тем или другим общественным вопросам. Недаром даже церковь в средние века устраивала открытые религиозные споры.

Поэтому, когда по вопросу об опасностях буржуазной идеологии официальная печать заявляет, что „Советская власть не отказывается однако и от репрессивных мер по отношению к активным врагам Советской власти из среды мелко-буржуазных групп и мнимо-беспартийной интеллигенции, и наиболее вредные группы высылаются за границу, либо в северные губернии" [„Изв. ВЦИК" № 196 (1635) от 2.IX.22], то мы находим, что в этой тактике кроется глубокая ошибка. Административными репрессиями против наиболее ярких и умных представителей той или другой идеологии, —как бы она реакционна ни была,—можно только усилить обаяние преследуемых на массы. Всякой власти следует учесть, что гонения, *особенно за идеи*, независимо от их содержания, всегда вызывают сочувствие к более слабым, к гонимым. Таков уж склад народной души.

Да и к чему преследования личностей за их образ мышления? Неужели буржуазная идеология уж настолько сильна, что социалистическое мировоззерцание не может ее побить равным оружием, дав даже десять очков вперед своим противникам? Ведь не боится же советская власть реакционнейшей проповеди церковной идеологии. *Воздай кесарю кесарево*—разве не является прямым призывом к признанию монархической власти?

Мертвые идеи бессильны, сколько бы не трезвонили вокруг них. Открыто высказанная буржуазная идеология не более опасна, чем свободная проповедь религии....

Таков единственно верный прием, чтобы окончательно побороть буржуазную идеологию. „Нужно доказать",—как говорит Кропоткин,—„что буржуа хуже, чем *вреден*: он безполезен". Это нельзя доказать тюрьмами и ссылками.

„Злой рок нашего бюджета".

Под этим заглавием проф. Озеров поместил статью в № 3 „Экономиста" (ныне прекратившего свое существование вестнике XI Отдела Русского Технического Общества), посвященную „вопросу о разрешении продажи спирта". Мы не знаем еще, входит ли продажа спирта с фискальной целью в круг *отступления* советской власти на экономическом фронте, но одно достоверно: „злой рок" нашего бюджета заключается в том, что к его *оздоровлению* (если только это слово вообще применимо к государственному бюджету) привлекаются в качестве „спецов" буржуазные экономисты, готовые всегда служить—не за страх, а за совесть—делу укрепления близкой их сердцу государственности и прислуживаться какой угодно власти, даже претящей их нутру советской.

„Приводимая ниже статья"—говорит редакция *Экономиста* в предисловии—„заслуживает тем большего внимания, что автор ее всегда являлся настойчивым критиком „пьяного" бюджета. Но—увы!—такова одна из многих жестоких ирониий, так свойственных нашему времени"... Действительно, время жестоко посмеялось над нашими *бывшими* либералами, сорвав с них маску прогрессивности...

Цель оправдывает средства—таков общий смысл статьи.

„Одним из могучих средств борьбы с денежной инфляцией и поднятия курса рубля является продажа спиртных напитков, в частности спирта и водки". Этими словами начинает профессор свою „ученую" статью. Вместо того, чтобы разоблачить главного и единственного виновника денежной инфляции и падения курса рубля—монопольное право государства на эмиссию и традиционное злоупотребление этим правом, начиная со времен Екатерины II, впервые введшей ассигнаты—проф. Озеров старается реабилитировать целым рядом софизмов старую царскую „монополыку".

„Конечно", — говорит он, — „главное возражение против продажи спиртных напитков—это отравление населения алкоголем, но оно совершается и теперь, если считать алкоголь, за яд, но сейчас это делается в худших формах—самогонкой плохого качества, и замена самогонки ректифицированным спиртом будет плюсом с гигиенической стороны, а, кроме того, сама теория безусловной вредности спирта за

последнее время американскими физиологами подвергается сомнению. Я не компетентен в этом вопросе, но есть и русские известные физиологи, держащиеся этой последней точки зрения.... От них могло бы быть затребовано соответствующее заключение".

Если бы простые законы логики, уж не говоря о строгой научной последовательности, были бы обязательны для наших либералов, кичащихся своей ученостью, то проф. Озеров не должен был бы распинаться за монопольную казенную продажу водки, не получив предварительно „соответствующее заключение" физиологов. Но ссылка на физиологов—простой отвод глаз, ибо проф. Озеров прекрасно понимает, что суть вопроса в *злоупотреблении* спиртом, а не в умеренном потреблении водки. Не надо быть физиологом, чтобы знать: злоупотребление водкой, и вообще спиртными напитками, вредно; напрасно проф. Озеров прячется за свою *некомпетентность*. Вопрос идет об „интенсивном использовании народного тяготения к алкоголю в целях укрепления государственного бюджета". Этими словами в предисловии редакция *Экономиста* ставит все точки над і в статье проф. Озерова, поборника эксплуатации пьянства.

Если бы кто-нибудь, обуреваемый страстью, злоупотребил душевной болезнью или слабоумием девушки, чтобы использовать ее, то это было бы меньшим преступлением, чем холодные рассуждения этого новоявленного проповедника эксплуатации народного недуга—пьянства.

„Конечно",—сокрушается профессор, —„сейчас продукция спирта весьма невелика, у меня нет данных под руками, но как будто не больше двух процентов (довоенного производства. *Ред.*), и вопрос откуда взять должный материал, чтобы выкурить достаточно спирта для удовлетворения потребности населения. Опасность заключается в том, что не скоро пожалуй эту потребность можно будет удовлетворить и, следовательно, финансовые расчеты, приведенные выше, могут не так скоро оправдаться, потому что будет недостаточно спирта и вина. Этот вопрос может быть решен только после детального обсуждения. но можно будет премировать поставку материала на винокуренные заводы, платя частью деньгами, частью спиртом".

После этих циничных выкладок у проф. Озерова хватает... как бы по вежливее выразиться... смелости выставлять себя сторонником борьбы с пьянством и поборником культуры и просвещения! „Легализация торговли даст средства для культурно-просветительной работы и задержит понижение культуры", говорит он.

Нельзя ли, почтенный профессор, с той же целью монополизировать и узаконить также другую торговлю—проституцию? Одна стоит другую: обе основаны на человеческих слабостях и идут рука об руку. Не притворяйтесь брезгливым. Ведь цель оправдывает средства. Вы с этого начали свою статью. Во имя благой цели „борьбы с денежной инфляцией и поднятия курса рубля" вы ломаете копья с принципиальными противниками алкоголизма, ссылаясь на американских физиологов, не называя даже имен (очевидно все американское для нашего ученого финансиста—авторитет).

Вы говорите, почтенный профессор, что отравление населения алкоголем делается и теперь в худших формах—самогонкой плохого качества; но неужели вам, при всей вашей учености, не в домек, что самогонка скверного качества, и вдобавок дорога, именно потому, что существует государственный запрет? Когда государство станет само свободно всем продавать водку, то оно только улучшит качество, но не удешевит ее, иначе все ваши финансовые расчеты рассеятся как дым. При дороговизне же водки тайное винокурение будет конкурировать и, быть может, процветать. Вы сами прекрасно знаете, что „здесь механические меры вообще мало действительны". Оказывается, что „плюс с гигиенической стороны" не совместим с вашими финансовыми расчетами. Или дешевая водка и никакой прибыли государству, или же дорогая водка и тайное винокурение—такова дилемма. В первом случае вольное винокурение обошлось бы дешевле государственного, во втором — казенную водку будут потреблять более состоятельные слои населения, самогонку же беднота. При этом значительная часть дохода от казенной продажи пойдет на усиление полицейского надзора и карательных органов для поддержания монополии. Правда, эти расходы будут произведены из других отделов бюджета, но от этого суть дела не меняется.

Не кривите ни душой, ни умом, профессор. Винная монополия и государственная торговля водкой могут исключительно служить средством для эксплуатации народных масс. Ни о гигиене, ни о народном просвещении в связи с этим вопросом, не может быть речи, так как *казенная торговля водкой будет разорительна для народа*.

Где нищему думать о гигиене и просвещении!

Вы прекрасно знаете как бороться с *народным тяготением к алкоголю*, но это не входит в ваши расчеты неисправимого

государственника. „Опыт Англии за продолжительный срок показывает",—пишете вы сами,—„что чем больше растет потребление сахару и чаю, тем более падает потребление спиртных напитков". Ясно, что нужно удешевить чай и сахар, снятием с них всяких акцизов и пошлин. Но об этом вы даже не заикнулись в вашей статье, не потому, что это было невозможно, а по той причине, что это подорвало бы одну из основ возводимого при вашем содействии государственного здания из старых строительных материалов.

Официальная наука, заискивая перед властью, обрадовалась новому хозяину и соблюдает его интересы.

Жаль, что издание *Экономиста* прервано и буржуазно-государственная идеология лишена возможности и дальше проявлять свое научное и моральное убожество*).

Синдикализм противогосударственен по существу и по определению.

За последние дни я имел три большие радости.

Первую мне доставила Административная Комиссия Всеобщей Унитарной Конфедерации Труда своим недвусмысленным заявлением: *„Синдикализм противогосударственен по существу и по определению; он безусловный противник всякого вида правительства, каково бы оно ни было"*.

Второй я обязан моему другу Андрею Коломеру за его превосходную статью в „Либертер"-е: *„Синдикализм—тело революции, Анархия—ее душа"*....

Сегодня я поговорю только о заявлении А. К. В. У. К. Т. и о статье Коломера. Их трудно раз'единить, настолько они близки и дополняют друг-друга: можно сказать, что статья служит раз'яснением определения.

Поэтому меня ничуть не удивило, когда я прочел по поводу этого заявления в одной газете, которая перестала быть органом революционного синдикализма, чтобы служить диктатуре Коммунистической партии *над*..., следующие строки:

„Нельзя более ясно выразить отрицание всякой революции, которая по своему характеру и обстоятельствам своего возникновения не освящала бы немедленно и окончательно упразднение всякого Государства и всякого правительства, включая сюда и пролетарское Государство и правительство".

...Заявление А. К. В. У. К. Т. определенно говорит, что, *противогосударственный по существу и по определению, синдикализм безусловный противник всякого рода правительства, включая сюда и пролетарское правительство.*

Поразительно, что люди, мнящие будто владеют истинным синдикалистским духом, еще колеблются признать противогосударственную сущность синдикализма, и непонятно, как другие решаются оспаривать это.

28 минувшего марта на одном собрании секретарь В. У. К. Т. тов. Тотти весьма ясно доказал противогосударственную по существу природу синдикализма.

„Синдикализм,—сказал наш товарищ Тотти,—желает об'единить не ту или другую, более или менее значительную часть рабочего класса, но весь этот класс. Поэтому он обращается ко всем рабочим ручного и умственного труда без различия веры, партийности и стремлений, которых желает об'единить в своей среде.

„С какой целью стремится он к об'единению всех трудящихся? Для того, чтобы трудящиеся, таким образом об'единенные, осуществили сами свое всестороннее освобождение, которое по знаменитому изречению, должно быть делом самих трудящихся.

„До очевидности ясно, что наемный труд является современным видом рабства (так как он ставит нанимающегося в подчинение от нанимателя) и освобождение трудящихся находится в зависимости от упразднения системы наемных рук через упразднение хозяйского начала.

„Заключается ли задача рабочего класса в борьбе с несколькими хозяевами? Очевидно, нет. Следует ли противопоставлять, или даже делать различие между частными предприятиями, руководимыми отдельными хозяевами и предприятиями общественными, управляемыми Государством? Этого невозможно сделать.

„Разве в данном случае Государство не является таким же хозяином, как обыкновенный хозяин или анонимное акционерное общество? Это бесспорно.

„Синдикализм должен, следовательно, преследовать упразднение Государства-Хозяина с такой же решительностью, как и вообще всех хозяев...

„Наконец, огромные расходы, которые сопряжены с Государством, миллиарды, которые оно поглощает для защиты самого себя при помощи густой сети учреждений: парламентом, печатью, школой, судами, армией, полицией, тюрьмами и т. д., учреждения, на которые правительство вынуждено опираться—каково бы ни было его

*) За закрытием *Экономиста* мы готовы дать возможность оправдаться проф. Озерову на страницах *Почина*, несмотря на ограниченный размер нашего органа.

происхождение, его основа, его построение, его образ—отвлекают значительную часть усилий трудящихся в области производства, транспорта и обмена. Таким образом правительство, по существу и по определению, является непревзойденным эксплуататором труда.

„Следовательно, в области экономической бросается в глаза то, что освобождение труда и раскрепощение трудящихся приводит *неизбежно* к упразднению Государства, всякого Государства".

Таковы были неотразимые доводы Тотти. Если я не привел его слова буквально, я могу уверить, что верно передал их смысл.

Я позволю себе прибавить следующее: широко понятый синдикализм не останавливается исключительно на экономическом освобождении трудящихся. Без сомнения, он стремится к этому и он считает это необходимым условием всякого возрождения. Но синдикализм требует большего и лучшего: он требует еще, и в такой же степени, политического и духовного освобождения трудящихся.

Государство же—каково бы оно ни было,—правительство—каково бы оно ни было—неизбежно противится этому освобождению, так как, по своей природе и в силу необходимости, всякое Государство эксплуатирует, всякое правительство угнетает. Я полагаю, что излишне на этом дольше останавливаться.

Это именно прекрасно выразил Коломер:

„Единственная революция, которую может пожелать пролетариат, это та, которую он совершит сам для того, чтобы упразднить всякую власть. Рабочие освободятся из под ига капиталистов не для того, чтобы протянуть шею под ярмо социологов. Производители ручного и умственного труда, своей классовой организацией, прекрасно с'умеют сами управлять достоянием, которое они отберут у своих эксплуататоров. Революция, которую желают эксплуатируемые, разрушит всякого вида Государство, отвергнет всякое правительство и создаст общественную среду, в которой человеческие существа свободно производят и потребляют в соответствии со своими способностями и потребностями.

„Тело такой революции—синдикализм, душа—Анархия"....

Себастиан Фор.

(Le libertaire, № 168, avril 1922).

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ.

Утверждение будто в передовых буржуазно-либеральных странах, в отличие от Советской России, нет цензуры, *несколько преувеличено*. В этих странах нет только предварительной цензуры (как нет ее теперь и в России для изданий правительства, правящей партии и—академии наук), но везде, во всяком государстве существует *последующая цензура*. Правда, в либеральных странах она называется ответственностью по суду, но что представляют по своей сущности государственные суды, как не административные органы, применяющие законы власти к ее противникам? Без равноправия не может быть справедливости. Где же виданно, чтобы государство, привлекая к ответственности за печатное слово, обращалось к третейским судам, избранным на равных, (паритетных) началах с обвиняемыми? Без этого условия о безпристрастии судов не может быть речи при каком угодно государственном строе.

Мы не желаем утверждать, что положение печати одинаково во всех государствах. В либеральных и демократических странах она свободнее не потому, что там нет предварителной цензуры, а по той простой причине, что народ, целым рядом революций и иных видов противодействия, завоевал себе право свободно издавать и распространять печатные произведения. В этих странах последующая цензура, в виде государственных судов, *не всегда* смеет попирать свободу печати. Вот почему, несмотря на резкую критику установленных общественных и правительственных порядков, в передовых странах все-же существует коммунистическая и анархическая печать.

В государствах, где нет этого *реального соотношения сил* между народом и властью, отсутствие предварительной цензуры не представило бы преимуществ. Оно означало бы лишь массу бесплодно загубленного литературного и технического печатного труда.

Между полным запрещением общественного слова и его ограничением в странах со слабо развитой гражданственностью, предварительная цензура представляет из двух зол меньшее. К сожалению исполнительные органы часто слишком расширительно понимают свои запретительные права, и печати приходится бесплодно тратить массу времени и сил, чтобы шаг за шагом отстаивать свои, и так уже заключенные в узкие рамки, права.

Сколько трудовой энергии было бы сбережено, если бы исполнительные органы всегда помнили мудрое указание, сделанное

им по частному случаю одним ответственным руководителем советской власти: „цензура существует для того, чтобы пропускать; иначе существовало бы общее запрещение печатать". Эти слова означают:

Открыто высказанные мысли всегда предпочтительнее загнанных в подполье страстей.

К ПОЛОЖЕНИЮ АНАРХИСТОВ В РОССИИ.

Советская Россия единственное в мире государство, где анархизм—отсутствие государственной власти—признан *официально* идеалом общественного развития. Это принципиальное признание не только вписано в основные законы страны, но и выразилось в постановке самим государством, по собственному почину, памятника Бакунину, в присвоении одной из главных улиц столицы имени Кропоткина и ряде других внешних утверждений родства социализма с анархизмом. Знаменательное обращение председателя В. Ч. К. к бутырским анархистам со словами: „вы наши наследники" еще более оттеняет принципиальное отношение правящих кругов к анархизму.

С другой стороны ни в одной стране анархистское движение не дало стольких сотрудников власти—лиц, содействовавших „русскому опыту" (как называют заграницей советскую систему), как в России. Речь не о ренегатах анархизма, а о тех анархистах-соглашателях, которые формально сохраняют свои идеологические позиции и в то же время обслуживают советскую власть. Достойно внимания, что этой точки зрения держались, *за редкими исключениями*, почти все русские анархисты во время Октябрьской революции и в первое время после нее.

Казалось бы при таких взаимоотношениях анархизм в советской России должен был бы пользоваться особенно благоприятными условиями для своего развития. На деле оказалось обратное. Никогда слова Кропоткина: *прогресс в человечестве неразделен; он возможен только тогда, когда он охватывает всех*, не находили себе более яркое подтверждение.

Мы не имеем в виду в настоящей беглой статье дать полную оценку положения анархистов в России; при всем нашем желании это едва ли было бы возможно.

Борьба между сторонниками власти и анархистами неизбежна. Действительность рассеяла многие иллюзии и ряды советских анархистов все более и более редеют.

Мы бы только хотели, чтобы эта борьба носила более современный, более культурный характер. Россия, при всей своей отсталости, не страна краснокожих, где, по горькому ироническому замечанию Кропоткина, люди доказывали бы свою правоту томагавками. В наше время тюрьма и ссылка, в ответ на свободно высказанное мнение, не лучший прием воздействия, чем удар дубиной. 300 лет тому назад Галилея бросили в тюрьму, подвергли пыткам и унижениям за то только, что он осмелился открыть на созданном Творцом солнце пятна. Неужели мы, анархисты, не имеем права, не рискуя своей свободой, находить, что и на „советском солнце", деле человеческих рук, тоже имеются пятна, много пятен?

Руководители власти, провозглашающие наш идеал своим конечным идеалом, прекрасно отдают себе отчет в нашем праве на критику и искание иных, лучших путей для революции. Пусть они используют свою хваленую партийную и служебную дисциплину для того, чтобы призвать к порядку не в меру усердных исполнителей своей воли... Другой товарищ из Иваново-Вознесенска спрашивает: „имеют-ли право местные власти отбирать анархистскую литературу старого и нового издания, как брошюры, так и капитальные труды, которые у вас в Москве свободно продаются, а у нас воспрещается в личных библиотеках их иметь и при первом обыске все конфискуется?"

Не наступило ли время перейти к соблюдению революционной справедливости, не доводя молодых товарищей, особенно в провинции...

К сведению читателей.

—За неимением места „Решение товарищеского суда по делу тов. Н. Павлова" и мелкие сообщения печатаются особым приложением.

—По независящим от редакции причинам настоящий номер выходит с опозданием и в измененном виде.

—По поводу направления „Почина" один из наших друзей пишет: „Представьте себе такой случай. Входите вы в солнечный день в комнату. Окна в ней закрыты ставнями. В одном ставне есть щель. Через нее идет солнечный свет полосою, а кругом темнота. И на светлой полосе можно немного почитать, посмотреть на часы и т. п. Эту полосу света в русской безгазетной тьме и дает „Почин". Пусть читатели, согласные с этим мнением нашего товарища помогут распахнуть по-шире ставень присылкой статей, материалов и деятельным распространением нашего органа.

—„Почин" высылается всем лицам, группам и организациям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№.*

Запросы, материалы и деньги просим направлять по адресу ответственного редактора:

МОСКВА, Коровий Вал, дом 16, кв. 14.
Тов. А. Атабекян.

Типография Труд. Арт. „Почин", Коровий Вал, 23.
Главлит № 2031. Отпечатано 3.000 экземп.